

Fergus Home
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Fergus Hume

Фергюс
Хьюм

Потайной ход

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х98

Fergus Hume
THE SECRET PASSAGE

Оформление серии *А. Саукова*

Хьюм, Фергюс.
Х98 Потайной ход / Фергюс Хьюм ; [пер. с англ. Н. В. Некрасовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Фергюс Хьюм. Серебряная коллекция).

ISBN 978-5-699-78733-3

В лондонском пригороде совершено убийство: благообразная пожилая дама, казалось бы, не имевшая врагов, заколота в собственном доме. Узнав об этом, племянница покойной безо всяких объяснений разрывает помолвку со своим женихом. Потрясенный молодой человек принимается за расследование, стремясь найти убийцу и вернуть возлюбленную. Но след тянется куда дальше, чем он предполагал, — в глубины прошлого, хранящие страшные тайны как ее семейства, так и его собственного наследия...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Некрасова Н.В., перевод
на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-78733-3

Глава I

КОТТЕДЖ

— Так как вас зовут?

— Сьюзен Грант, мисс Лоах.

— Зовите меня мэм. Я мисс Лоах только для равных. Сколько вам лет?

— Двадцать пять, мэм.

— Вы хорошо знакомы с обязанностями горничной?

— Да, мэм. Я проработала в одном месте два года, а в другом шесть месяцев, мэм. Вот мои рекомендации от обоих работодателей, мэм.

С этими словами девушка положила два документа перед расспрашивавшей ее суровой старой леди. Но мисс Лоах не сразу удостоила их взглядом. Она рассматривала кандидатку так пристально, что девушка даже слегка покраснела и опустила глаза. Но и сама Сьюзен Грант украдкой рассматривала свою возможную хозяйку. Вот о чем думали обе женщины:

Мисс Лоах: «Хм. Простоватое лицо, землистая кожа, довольно маленькие глаза и вялый рот. Для

служанки неплохо одета, даже с некоторым вкусом. На худой конец, будет перелицовывать мои старые платья. Грустный вид, словно у нее какая-то тяжесть на сердце. Кажется честной, хотя, сдается, немного любопытна, судя по тому, как она осматривала комнату и украдкой поглядывала на меня. Говорит в меру, но тихо. Явно умненькая, но не слишком. Возможно, скрытна. Хм!»

Мысли Сьюзен Грант: «Симпатичная пожилая леди, лет шестидесяти. Забавное платье для десяти утра. Наверняка она богата, раз носит в такой час пурпурный шелк, старинные кружева и красивые кольца. Жесткий рот, тонкий нос, совсем седые волосы и очень черные брови. Надо сказать, она с характером, и скорее всего, окажется требовательной хозяйкой. Но мне нужен спокойный дом, да и жалованье предлагают хорошее. Если она меня наймет, я буду стараться».

Если бы хозяйка или служанка знали мысли друг друга, возможно, до делового соглашения и не дошло бы. А пока мисс Лоах, задав еще несколько вопросов, вроде бы удовлетворилась. Все это время она сверлила девушку взглядом угольно-черных глаз, словно читая у нее в душе. Но Сьюзен пока еще было нечего скрывать, насколько понимала мисс Лоах, так что в конце концов она решила ее нанять.

— Думаю, вы мне подойдете, — кивнула она, поворошила угли в камине и поежилась, хотя стоял июнь. — Здесь тихо. Надеюсь, у вас нет поклонников.

— Нет, мэм, — покраснела Сьюзен.

«Ха! — подумала мисс Лоах, — она была влюблена, может, ее даже бросили. Тем лучше, не прищипит на хвосте никого в мой тихий дом».

— Вы не будете читать мои рекомендации, мэм?
Мисс Лоах подвинула документы к девушке.

— Я сама составляю мнение, — спокойно сказала она. — Большая часть рекомендаций, которые мне довелось читать, были полны вранья. Вы мне нравитесь. У кого вы служили в последний раз?

— У одной испанской леди, мэм.

— Испанской! — мисс Лоах со звоном уронила кочергу и так нахмурилась, что ее черные брови почти сошлись на переносице. — И как ее звали?

— Сеньора Гредос, мэм.

Глаза старой девы сверкнули, она схватилась за грудь, словно от этих слов у нее дыхание перехватило.

— Почему же вы ушли? — спросила она, беря себя в руки.

— Мне показалось, что в ее доме слишком весело, мэм, — замялась Сьюзен.

— То есть? Разве может быть где-то слишком весело для девушки ваших лет?

— Я хорошо воспитана, мэм, — спокойно ответила Сьюзен, — и мои религиозные принципы мне дороги. Хотя сеньора Гредос и калека, она очень уж любит веселую компанию. К ней много кто приезжал играть в карты, даже по воскресеньям, — почти шепотом добавила Сьюзен. Но мисс Лоах услышала ее.

— У меня часто играют в вист, — сухо ответила она. — Почти каждый вечер ко мне приходят играть

четверо моих друзей. Вы из-за этого откажетесь служить в моем доме?

— О, нет, мэм. Я не против карт. Я и сама пасьянс раскладываю, когда сижу одна. Я имею в виду азартную игру — в доме сеньоры Гредос проигрывали и выигрывали очень много денег.

— Но я так поняла, что она калека?

— Да, мэм. Она вроде бы была танцовщицей, неудачно упала и не то ногу сломала, не то спину повредила. Она два года пролежала в постели, даже пошевелиться не могла. Но она приказывала вывозить ее в кресле-каталке в гостиную, чтобы она могла смотреть, как джентльмены играют в карты. Иногда она и сама играла!

Мисс Лоах устремила один из своих пронзительных взоров на бледное лицо девушки.

— Вы чересчур любопытны и разговорчивы, — внезапно сказала она, — и, стало быть, вы мне не подходите. Всего хорошего.

Сьюзен просто оторопела.

— О, мэм, надеюсь, я не сказала ничего плохого. Я лишь отвечала на ваши вопросы!

— Вы смотрите, что происходит в доме, а потом болтаете об этом!

— Нет, мэм! — горячо сказала девушка. — Я умею держать язык за зубами!

— Когда это нужно вам, — ответила мисс Лоах. — Придержите его теперь и дайте мне подумать!

Пока мисс Лоах, хмуро глядя в огонь, рассуждала про себя, благоразумно ли будет нанять такую горничную, Сьюзен робко оглядывала комнату. Забавно,

но она была расположена в цокольном этаже коттеджа и находилась ниже уровня сада. Два довольно больших окна выходили в перекрытое стеклянной крышей помещение, преобразованное в оранжерею. Там виднелась алая герань и прочие яркие цветы, перемежаемые папоротниками и нежной травой. Из-за расположения комнаты и наличия стеклянной крыши туда проникал лишь приглушенный свет, но поскольку день был солнечным, комната была очень хорошо освещена. Но Сьюзен представляла, как здесь, наверное, сумрачно в пасмурный день. А уж зимой и вовсе темно.

Комната была роскошно обставлена, вся в красном и золотом цветах. Ковры и шторы были ярко-алыми, с золотой нитью. Мебель, как ни странно, была из белого полированного дерева, обитая красным атласом с золотой бахромой. По стенам были развешаны картины в золоченых рамах и зеркала, тоже вправленные в золоченое дерево. Каминная решетка, колосник и каминный прибор были из полированной бронзы, и по стенам висели электрические лампы в желтых плафонах. Вся комната представляла собой причудливое зрелище, вычурное и какое-то тропическое. Видимо, мисс Лоах любила яркие цвета. В комнате не было ни пианино, ни книг, ни бумаги, и единственным свидетельством того, как мисс Лоах коротает время, были корзинка с рукоделием и колода карт. В ее возрасте, подумала Сьюзен, шитье — довольно трудное дело, даже если она не носит очков и глаза ее кажутся ясными и острыми. Это была чудаковатая старая леди и, похоже, богатая.

10 *Фергюс Хьюм*

— Я беру вас, — вдруг сказала мисс Лоах. — Берите свой чемодан и будьте здесь сегодня до пяти часов вечера. Я жду друзей к восьми. Вы должны быть готовы принять их. Теперь ступайте!

— Но, мэм, я...

— В этом доме, — царственно перебила ее мисс Лоах, — никто не говорит со мной, если я сама не заговорю с ним. Вы меня поняли?

— Да, мэм, — робко ответила Сьюзен и подчинилась жесту перста, указующего на дверь. Мисс Лоах слушала, пока шаги девушки на лестнице не заглохли, и села, когда услышала, как закрылась передняя дверь. Но почти сразу же она вскочила и начала расхаживать по комнате. Похоже, беседа со Сьюзен Грант дала ей пищу для размышлений. И не слишком приятную, судя по выражению ее лица.

Новая служанка вернулась в тот же день на пригородную станцию, откуда шла ветка в район Рекстон. Сундучок, шляпная картонка и сумка составляли все ее скромные пожитки. Она договорилась с носильщиком, чтобы тот доставил их на тачке до коттеджа «Роза», как чопорно называлось жилище мисс Лоах. Договорившись, Сьюзен покинула вокзал и пошла пешком к коттеджу. Кроме экономии на кэбе, она желала познакомиться с окрестностями, потому не торопилась.

Стоял солнечный июньский день. Теплая зеленая земля грелась под голубым безоблачным небом. Но даже солнечный свет не красил Рекстон. Он раскинулся по обе стороны от станции, новый и еще сырой. Дороги с асфальтовыми тротуарами и ка-

менными бордюрами были закончены, фонарные столбы поставлены недавно, полосы белых оград отделяли дорогу от еще юных садов. На улицы смотрели унылые дома из красного кирпича, принадлежавшие мелким клеркам и торговцам. Вдоль одной улицы тянулся ряд магазинчиков, предлагавших все блага цивилизации; за углом виднелась агрессивно-новая церковь из желтого кирпича со свинцовой крышей и деревянной колокольной, торчавшей посередине невозделанного участка. В конце одной из улиц просматривалась сельская местность, еще не захваченная строительством. На горизонте дыбилась железнодорожная платформа, некрасиво закрывая вид. Рекстон был столь же уродлив, сколь и нов.

Заблудившись, Сьюзен дошла до рваной каймы сельской местности, окружавшей новый пригород, и остановилась там, чтобы осмотреться. За полями слева она увидела недостроенный особняк, большой и величественный, возвышавшийся среди соснового леса. Он был окружен высокой кирпичной стеной старше самого пригорода. Припомнив, что она видела этот дом позади коттеджа мисс Лоах, девушка использовала его в качестве ориентира и свернула на боковую улицу, сумев найти начало кривого переулка, внизу которого и располагался коттедж «Роза». Переулок своей кривизной показывал, что принадлежит к останкам древнейшей цивилизации этого района. Здесь не было тротуаров, фонарей, агрессивных новых заборов и грубых кирпичных домов. Сьюзен, вступив на слегка наклонную почву, вошла в старинный спокойный мир, напоминавший о геор-

гианских временах¹, неторопливых и притягательно старомодных. По обе стороны переулка среди садов с нестриженными кустами и простыми цветами стояли старинные домики с белеными стенами и тростниковыми крышами. Живая изгородь, лохматая и непричесанная, отделяла их от дороги. И, чтобы придать местности еще больше сельского колорита, в одном из садов стояли соломенные ульи. Тут и там на дороге росли розоватые старые вязы и трава. Переулок заканчивался тупиком, перекрытым изгородью, окаймлявшей пшеничное поле. Слева виднелся узенький проход между живыми изгородями за коттеджами, выходящий в сельскую местность.

Дом мисс Лоах представлял собой смесь старины и новизны. Прежде это был непритязательный домик, как и остальные, но она пристроила к нему новое крыло из красного кирпича в самом распространенном здесь тят-ляп-стиле, которое выглядело как кусок виллы в самой современной части Рекстона. Ворчливая старина и невоспитанная юность старой и новой частей дома, стоявших бок о бок, казалась чем-то вроде двух непарных деревянных башмаков и была совершенно лишена гармонии. Тростниковая и черепичная крыши не сочетались, и белые стены старинного дома казались неряшливыми по сравнению с пламенеющей краснотой новой виллы. К передней двери в новой части поднимались ослепительно-белые ступени. От них вдоль фасада коттеджа тянулась веранда, ее грубые балки служили

¹ Георгинская эпоха (1714–1830) — время правления королей Георга I, Георга II, Георга III и Георга IV.

опорой розовым кустам и плющу. Сбоку от коттеджа открывался старый сад, но новое крыло было окружено лужайками с ковровыми посадками. Дорожка из гравия отделяла старое от нового и рассекала сад. Позади Сьюзен снова увидела высокую кирпичную стену, окружающую недостроенный особняк. Над ней росли высокие деревья, и сама стена густо поросла плющом. Похоже, она была старой и, быть может, даже скрывала за собой недостроенный дворец какой-нибудь спящей красавицы — настолько буйной и густой была растительность, видневшаяся из-за стены.

С необычной для людей ее класса цепкостью и быстротой Сьюзен все это уложила в своем сознании и затем позвонила. Задней двери, насколько она видела, не наблюдалось, и девушка решила, что лучше войти в ту дверь, из которой она вышла утром. Но крупная жирная женщина, которая отворила дверь, дала Сьюзен понять, что та ведет себя слишком уж вольно.

— Конечно, утром, когда вас еще не наняли, вы были леди, — сказала кухарка, быстро загоня девушку в холл, — но раз вы теперь горничная, мисс Лоах не обрадуется, ежели вы будете звонить в передней.

— Я не увидела никакой другой двери, — возразила Сьюзен.

— А, — сказала кухарка, ведя ее вниз по ступенькам в крытую тростником часть коттеджа, которая, как оказалось, служила жильем для слуг, — вы ж смотрели как обычно. Но задней-то двери нет, там оранжерея!

— А почему мисс Лоах живет в цокольном этаже? — спросила Сьюзен, когда ее проводили в уютную комнату, которая служила холлом для слуг.

Кухарку возмутил этот вопрос.

— Ах! — фыркнула она. — А почему сапожник без сапог, мисс Грант, ежели вас так зовут, как я понимаю? Не задавайте вопросов. Чтобы вам было известно, у мисс Лоах слабые глаза, и она не любит яркого света. Она живет, как кролик в норке, и хотя ее комнаты на втором этаже прям королевские, она редко туда выходит, разве что пообедать. Она живет в цокольной комнате, где вы с ней встречались, мисс Грант, а спит она в нише. Когда она обедает, к ее услугам столовая наверху. И с чего бы ей не жить так, — фыркнула кухарка.

— Я вовсе не...

— На нет и суда нет, — перебила ее кухарка, которой, похоже, нравился звук собственного сильного голоса. — Мое имя Эмили Пилл, и я не стыжусь его, я кухарю на мисс Лоах уже много лет. Но ежели вы хотите вести себя как служанка, а вы и есть служанка, — подчеркнула она, — то что бы вам не обойти веранду и не зайти с кухни? Но вы ж из этих, новых служанок, мисс Грант, которые нос задирают да все наперекосяк делают.

— Я знаю свое место, — сказала Сьюзен, снимая шляпку.

— А я свое, — сказала Эмили Пилл, — я тут кухарка и, стало быть, тутошняя хозяйка, в доме для слуг. И сама я служанка старой закалки, у меня и нравы простые, и платье простое. — Эти слова сопровождалась критическим взглядом на довольно

изящный костюм новой горничной. — Мне не по нраву петушинные перья и всякие выверты на простых людях, не то чтобы я сама не могла их себе позволить, ежели бы захотела, я же человек бережливый, и платят мне хорошо. Но я добрая и к хорошеньким девушкам отношусь хорошо, хотя вы-то, по мне, в хорошенькие никак не годитесь.

Сьюзен сидела у стола с усталым и несчастным видом, и добродушная кухарка была тронута, особенно когда Сьюзен попросила не называть ее мисс Грант.

— Да мы с вами подружимся, это точно, — сказала Эмили, — и вы меня тоже не зовите миссис Пилл, это фамилия моего покойного мужа, он от джина помер. Другие слуги тут — это горничная да паж, хотя он, честно говоря, просто слуга на все руки, ему по меньшей мере сорок лет стукнуло, он еще и кучер, когда вывозит мисс Лоах в ее экипаже на осликах. Его Томас зовут, душа моя. — Кухарка быстро становилась все более и более дружелюбной. — А горничную — Джеральдина, прости господи ее родителей, она веснушчатая и болезненная, и уж точно не уроженка Лондона, как можно по ее имени подумать. Но что ж это я, тебе же надо чайку выпить да вещички распаковать — вон, вижу, и носильщик с грузом.

Новенькая горничная была польщена этим дружелюбным, пусть и грамматически хромым приемом и подумала, что кухарка ей понравится, не смотря на ее несколько утомительную болтовню. В течение следующего часа она распаковывала свой сундучок и обживала миленькую комнатку в задней